

К ПРОБЛЕМЕ КОНСТИТУТИВНОГО МЕТОДА СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© 2008 С.В.Кезина

Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г.Белинского

Традиционно для изучения эволюции семантики слова используется интегральный метод. Основные условия повышения эффективности и степени верифицированности научного анализа подобного типа – выбор оптимальной системы для исследования (диахронического поля) и расширение аналитической базы. Аналитическую базу можно расширить за счет привлечения разных источников, использования вспомогательных методов, применения теории древних колебаний согласных, конструирования гетерогенных диахронических полей.

Семасиологические исследования, восходящие к последней четверти XIX века, с самого начала требовали рационального метода. Основоположник отечественной семасиологии М.М.Покровский в речи «О методах семасиологии», произнесенной им в Московском университете, отмечал, что «до сих пор не вполне установлены методы исследования»¹. Теория метода, предложенная М.М.Покровским, включает следующие положения: 1). Историю семантики слова необходимо изучать в системе, так как «семасиологический процесс распространяется на целые категории слов»². 2). Слова, составляющие такую систему, должны принадлежать «к одному и тому же кругу представлений»³, обозначать «группу однородных явлений внешнего или духовного мира»⁴. 3). Семасиологические разыскания осуществляются прежде всего в границах одного языка: «... исходным пунктом для семасиолога должен служить его родной язык»⁵. 4). «Семасиология какого-нибудь отдельного языка не мыслима без сравнения его с другими языками; тем более необходим сравнительный метод при занятиях семасиологией древних языков»⁶.

Так в отечественном языкознании была заложена теория интегрального метода, предполагающего изучение семантики слова в системе. Изначальный принцип семантического сближения слов в системе – сближение на основе однородных связей – стал классическим и определил судьбу семасиологии, а вместе с ней и этимологии более чем на столетие. До сих пор при составлении этимологических гнезд семантическая однородность слов (по цвету, форме, функции и т.п.) является ведущей.

Системой для изучения семантики слова становится семантическое поле. Основоположником теории семантических полей считается известный немецкий учёный Й.Трир. Теория поля как составная часть теории интегрального метода имеет длительный путь развития от трировских концептуальных полей до современных полей разного типа. Необходимо отметить, что теория поля как системы со всеми признаками, детерминированными общей теорией систем, сформировалась не сразу. Именно поэтому на каких-то этапах её эволюции решение семасиологических задач было невозможно. Постепенно элиминируются «прежде всего трудности лингвистического его (поля) обоснования»⁷. Не сразу был выявлен семантико-логический критерий выделения полей, восходящий к принципу идентификации, выдвинутому Ш. Балли. Именно семантико-логический принцип выделения полей положен в основу определения Л. М.

¹ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

² Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. – М.: Унив. тип., 1895.

³ Там же.

⁴ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию – М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁵ Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков. – М.: Унив. тип., 1895.

⁶ Там же.

⁷ Толстой Н.И. Некоторые проблемы сравнительной славянской семасиологии // Славянское языкознание: 6 Междунар. съезд славистов (Прага, август 1968).

Васильевым парадигматического семантического поля: «... термином лексико-семантическая группа можно обозначать любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семьей (или хотя бы одним общим семантическим множителем) (выделено нами – С.К.)»⁸. Семантикологические обоснования выделения поля применяли в отечественном языкознании В.И.Кодухов, Ф.П.Филин, А.А.Уфимцева, Н.М.Минина и другие исследователи.

Во второй половине XX века, которая «после безраздельного господства в языкознании первой половины XX в. проблематики синхронной лингвистики ... ознаменовалась возрастанием интереса к диахронической лингвистике, к проблемам языкового изменения и преобразования во времени»⁹, усиливается изучение семантики слова в диахронии. Усиление диахронического подхода к фактам языка не было случайным. «Такое возрастание интереса к проблемам языковых изменений и диахронической лингвистики обусловлено общим развитием лингвистической мысли последних десятилетий: преодолевая сосюрговскую антиномию между синхронной и диахронической лингвистикой, она стремится к построению такой лингвистической теории, которая обладала бы большей объяснительной силой по сравнению с сугубо синхронными теориями описательной таксономической грамматики, строящейся строго на основе эмпирической языковой данности»¹⁰. Заметим, что Й.Трир разграничивал исторические и диахронические изменения в значении слова. Диахронический подход к исследованию поля на начальных этапах его становления не признавался системным. Система обнаруживалась лишь в синхронии, что весьма ограничивало возможности поля как системы для семасиологических разысканий.

Именно диахронический подход к семантическим явлениям языка отвечал требованиям к системе, в пределах которой возможно решение актуальных семасиологиче-

ских задач. Актуальные задачи семасиологии сформулированы А.Шаффом. Лингвистическая семантика, по его мнению, «занимается историей значений: их возникновением, изменением, а также законами, по которым эти изменения происходят»¹¹. Практика семасиологических исследований убедительно показала, что решение перечисленных задач возможно не в любой системе. Оптимальной системой для такого рода научного анализа оказалось семантическое поле диахронического типа. Этимологический принцип при составлении семантического поля впервые применили М.Конрадт-Хикинг (1956) на материале немецкого языка и П.Гиро (1964) на материале французского языка. Обратим внимание, что семантический анализ осуществлялся внутри одного языка без учета данных родственных языков.

Учитывая историческую протяженность семантического поля (диахронический аспект) и протяженность его в родственных языках в определенный период времени (синхронический аспект), мы предлагаем добавить в классификацию семантических полей, представленную в обобщенной теории поля Л.М.Васильева¹², дифференциацию полей на поля диахронического и синхронического типов и в связи с проблемой границ поля ввести понятия «полное поле» и «неполное поле».

«Полное поле» диахронического типа представляет собой этимолого-словообразовательное гнездо в его развитии от этимона до современного состояния во всех родственных языках одной семьи. Из определения следует, что слова, входящие в семантическое поле диахронического типа, связаны не только семантическими, но и словообразовательными отношениями. «Полное поле» синхронического типа есть синхронический срез протяженностью во всех родственных языках одной языковой семьи. Семантические поля синхронического типа могут включать слова, принадлежащие к разным этимолого-словообразовательным гнездам. «Неполное поле» – это фрагмент любого «полного поля» любой диахронической и синхронической протяженности.

⁸ Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – №5.

⁹ Гамкрелидзе Т.В. Праязыковая реконструкция и предпосылки сравнительно-генетического языкознания // Вопросы языкознания. – 1998. – №4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Шафф А. Введение в семантику. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963.

¹² Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. шк., 1990.

Итак, диахроническое поле не что иное, как этимологическое гнездо. Выбор диахронического поля в качестве оптимальной системы для изучения истории значения слова мы квалифицируем как одно из конститутивных положений сравнительно-генетической концепции развития значения. Однако недостаточно только выбрать оптимальную систему для анализа. Необходимо определить принципы конструирования и наполнения такой системы. Прежде всего надо увеличивать объем семантического поля. Известно, что все представленные для семантического анализа системы являются полями неполного типа, что естественно ограничивает возможности анализа и значительно снижает степень верифицированности научных выводов. Именно поэтому при конструировании семантических полей важен учет двух системных состояний значения: эксплицитного и имплицитного.

Мы соотносим эсплицитное и имплицитное с понятиями полного и неполного поля. Под эксплицитным мы понимаем известное, явное. Это может быть как синхроническое, так и диахроническое. Имплицитное – то, что неизвестно. Например, слово белый в современном русском языке обозначает «цвет снега, мела, молока», в русских говорах белый называет «серое» и «голубое» (белые глаза – о серых или голубых глазах), а английское black обозначает «черный». Учитывая развитие значения во всех родственных языках одной языковой семьи, следует признать, что ни диахронический, ни синхронический подходы не обеспечивают полной эксплицитности семантического поля, так как количество источников в любом случае ограничено и научный анализ осуществляется в границах неполного поля.

Задача семасиолога при конструировании семантического поля состоит в том, чтобы как можно больше фактического материала «перевести» из имплицитного состояния в эксплицитное. Генетическая память языка сохраняет оба состояния: эксплицитное и имплицитное. Мы согласны с И.Ю.Вертеловой в том, что генетическая память языка предполагает, «во-первых, способность языка сохранять в глубинах своей структуры память о предшествующих состояниях, во-вторых, возможность выявления этих состояний на

основе метода реконструкции»¹³. Реконструкция позволит «перевести» имплицитное в эксплицитное и тем самым расширить семантическое поле. Это важно, так как «чем шире аналитическая база, тем более надежными являются полученные результаты»¹⁴. В связи со сказанным главным в проблеме исторического изучения семантики слова является собственно реконструкция имплицитного.

Такая реконструкция возможна прежде всего при диахроническом подходе к семантике слова. Ничто так не увеличивает аналитическую базу, как изучение семантики слова в ряду слов-когнатов. В границах диахронического поля мы применяем конкретные методы реконструкции семантического материала. Расширение семантического объема поля можно увеличить за счёт аддитивного метода – путём простого сложения значений родственных слов. Для этого необходимо расширить источники языкового материала: привлечь материалы устного народного творчества, письменных памятников, родственных языков и их говоров. На Международном симпозиуме «Славянская этимология сегодня» (5 – 7 сентября 2006 г.) были отмечены следующие резервы этимологического, а значит, семасиологического анализа лексики: «... более широкое привлечение индоевропейского материала» (Й.Райнхарт), «активное освоение нового лексического материала, предоставляемого диалектными словарями», «максимально полное использование славянской лексики»¹⁵. Необходимость расширения аналитической базы в исследованиях семантического характера признана всеми. Использование разных источников языкового материала – один из путей такого расширения.

Рассмотрим примеры реконструкции семантического поля цвета с привлечением материала из разных источников. Микросистемы цвета, предложенные для анализа, яв-

¹³ Вертелова И.Ю. Имплицитные основания лексической семантики: слова со значением отрицательных психических состояний // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность / имплицитность выражения смыслов // Материалы международной научной конференции (Калининград – Светлогорск, 15–17 сентября 2005 г.) – Калининград: 2005.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Куркина Л.В., Варбот Ж.Ж. Международный научный симпозиум «Славянская этимология сегодня» // Вопросы языкознания. – 2007. – №3.

ляются фрагментами семантических полей диахронического типа. Диахронические поля восходят к разным индоевропейским корням.

Перечислим микросистемы цвета, включающие в состав цветолексем, восходящие:

к и.-е. корню *g^hel̥: g^hol̥: ирл. *glass* «зеленый, серый, голубой», др.-инд. *kālas* «синий-черный», др.-инд. *harita* «желтый, зеленый», греч. *χλωρός* «синий-зеленый» и «желто-зеленый», русск. *желтый* «цвета яичного желтка, зрелого лимона, зрелых злаков, золота», нем. *gelb* «желтый», лат. *helvus* «янтарно-желтый», «цвета меда», др.-инд. *hāri* «светлый, желтый», лит. *žilas* «серый», «седой», вост.-лит. *želtas* «золотой», др.-прусс. *golimban* «голубой» и «синий», лтш. *zilgans* «голубоватый», лит. *gelumbe* «синее сукно», укр.

голубый «синий», ирл. *gel* «белый», сербск. *зелен* (конь) «серовато-белый», хорв. *zelenko* «конь белой масти», сербск. *зеленко* (о коне) «белый, с белыми яблоками», совр. сербохорв. *zēlnko* «серый» (о лошади), русск. *зеленый* «цвета травы, листвы», *золотой* «блестяще-желтый, цвета золота», *голубой* «светло-синий, цвета незабудки», рус. диал. *голубой* «желтый» (в цвете птиц); «пепельный» (голубой конь, голубая корова); «серо-дымчатый с белым» (голубая курица); «черный с белым серебристым» (голубая лисица – чернотурка); «сиреневый» (голубая лошадь – лошадь сиреневой масти), хорв. диал. *голуба* (о корове) «серая», укр. диал. *голуба* (об овце) «серая», босн. диал. *голуба* (о корове) «белая», укр.-блр. диал. *голуба* (о корове) «красная с белыми пятнами»;

к и.-е. корню *k^her̥: k^hol̥: др.-инд. *karatās* «темно-красный», полаб. *carne* «черный», др.-исл. *harr* «серый, седой», др.-инд. *hāri(s)* «желтый, золотистый, зеленоватый», др.-русс. *чермьныи* «красный, багряный», «огненно-красный, рыжий», «огненный», «окровавленный», польск. *czzerwony* «красный, золотой», польск. *czarny* «черный», болг. *зачервя се* «покраснеть», укр. *червоний* «красный», «алый», «багровый», чеш. морав. *červený* «русый», болг. *червѣн* «красный», *червенос* «рыжий», *червило* «румяна», русск. *шаровый* «серо-дымчатый», *коричневый* «рыже-бурый», *черный* «цвета сажи, угля», русск.

диал. *жаркóй* «огненный, красно-желтый» (уральск.), *жаркóй* «оранжевый» (красноярск.), *жáркии* «огненного цвета, оранжевый» (брянск.), *жáровый* «оранжевый» (брянск.), *жаркóй* «оранжевый» (забайкальск.), *жаркóвый* «оранжевый» (арханг.), *черемный* «рыжеволосый» (вятск., пермск., сиб.), *черемый* «гнедой или бурой масти (о корове)» (забайкальск.), болг. *шар* «пятно, пестрый», словен. *šara* «пестрый, пятнистый» и т.д.;

к и.-е. корню *b^hel̥: b^hol̥: польск. *bialasy*, слвц. *belasy* «голубой», польск. *biały* «белый», лит. *baltas*, *balas* «белый», нем. *blau* «синий», болг. *бял* «белый», слвц. *biely* «белый», «светлый», «седой», англ. *blue* «синий, голубой», лат. *flavus* «огненного цвета, огненно-желтый», англ. *black* «черный», др.-в.-нем. *blah* «черный», фр. *blanc* «белый», *bleu* «синий», русск. диал. *белевый* «беловатый, серый» и т.д.;

к и.-е. корням b^her̥: b^hol̥ и *r^hel̥: r^hol̥: русск.

диал. *бурдóвы* и *бурд Яны* «темно-красный», лат. *birrus* «красный», *burrus* «багряный», русск. диал. *бурый* «темно-рыжий», «темно-серый», «кофейный», «коричневый», «ореховый», «искрасна черноватый», «коричневый, темно-красный», «красный, темно-красный, бордовый до коричневых оттенков», др.-инд. *babhrús* «рыжегато-бурый», исп. *burriel* «темно-красноватый», алб. *bardh* «белый», англ. *brown* «коричневый», нем. *braun* «коричневый», русск. *бурый* «серовато-коричневый», о масти шерсти: «черный с красноватым отливом», «кофейный, коричневый, ореховый, смурый, искрасна черноватый»; ст.-сл. *плавъ* «бледно-желтый», русск. диал. *половый* «желтый», русск. *пелесый* «темный, бурый», «сероватый», «пестрый, цветной», *половыи* «беловатый, изжелта-белый», лат. *pullus* «черный», укр. *половий* «желтый, красно-желтый», сербохорв. *плав*, *плага*, *плаго* «голубой», греч. *πελιός* «черно-голубой», русск. *пелесый* «пятнистый» (о животных), а также «пестрый, цветной», русск. диал. *пелесистый* «полосатый», *половый* «в белых пятнах» и т.д.;

к и.-е. корню *b^her̥: b^hol̥: русск. *багряный* «ярко-красный, пурпурный, цвета крови», русск. диал. *багряный* «червленый же, но менее густой, алее, без синева; это самый яр-

кий, но и самый чистый красный» и *багровый* «червлёный, пурпуровый, самого яркого и густого красного цвета, но никак не с огненным отливом, а с едва заметной просинью», *багрецовый* «красный, пурпуровый», др.-русск. *багровый* (богровый) «темно-красный, багровый», *багръ* «червлёный цвет», болг.

багр Я н и *ба́грѣн* «темно-красный, багряный», сербохорв. *bagren* «пурпуровый», словен. *bagr ě n* «пурпурный, багряный», макед. *багри* «багрянить, румянить», сербохорв. *багрити* «красить в красный цвет; румянить», словен. *bagriti* «красить в пурпурный цвет», укр. диал. *ба́грый*, кроме значения «темно-красный» (о корове), сохраняет значение «черный» (о корове) и т.д.;

к и.-е. корню **rau* : *rū*: др.-инд. *rudhirá* «кровавый», англ. *red* «красный, рыжий», нем. *rot* «красный, рыжий», др.-русск. *рыжедый* «рыжий, красновато-бурый», лит. *rūdas* «бурый», лат. *rūfus* «красный», сербохорв. *p ū d* «рыжеватый», словен. *rū d*, *rūda* «красный, коричневый», чеш. *ruměný* «румяный», лтш. *rūsls* «коричневый», укр. диал. *рудый* «коричневый», «загорелый», «серый» (о полотне), укр. *руністий* «зеленый» (о жите), русск. *румяный* «румяный», «красный» «красноватый», «рыжеволосый», русск. диал. *ржавый* «о веснушчатом, с рыжими волосами человеке», *рудоваты* «рыжеватый», *руд Я ны* «рыжий, грязный», *руды* «рыжий», слвц. *rusý* «пестрый, пятнистый», *rusavý* «пестрый», укр. *рудый* «тигровой масти» (о котках, собаках), хорут. *rutena psenica* (румяная пшеница – светлая, золотистая, румяная) и т.д.;

к и.-е. корню **k'eī* : *k'oī*: лит. *š ě mas* «пепельного цвета, сероватый», авест. *suā va* «черный», англос. **haiwina* «голубой, багряный, серый, зеленый, дымчатый», др.-русск. *сизъ* «темный с красноватым, или лиловатым, или голубоватым оттенком», лит. *szūvas* «белый, белесый», сскр. *ṣuā vās* «темно-коричневый, темный», болг. *сив* «серый», др.-инд. *syā vā* «черно-бурый, гнедой, темный», сербохорв. *sinjav* «пепельно-серый» (о сукне), польск. *siwy* «серый» и «синий»,

русск. диал. *сивы* «седой», *сивизна* «седина, просесть» и т.д.

Материал, полученный в ходе составления диахронических микросистем цвета, значительно меняет традиционное представление о развитии цветовой семантики и позволяет сделать следующие выводы: а) цветное слово в ходе эволюции развивает целую систему значений; б) значения, генерированные в ходе эволюции слова, различно актуализированы в одном и нескольких языках; в) семантические диапазоны, развитые в разных диахронических микросистемах цвета, идентичны; г) существует последовательность развития значений. Реконструкция микросистем цвета за счёт расширения источников показала единую формально-семантическую организацию этих микросистем. Формально-семантический параллелизм, четко выраженный при сравнительном анализе фрагментов разных диахронических полей, проявляется в идентичности набора цветных значений (сем) в каждой микросистеме цвета и в особенностях семантической актуализации: семы «белый», «черный» и «серый» наиболее последовательно отражены во всех цветных локусах; в каждой микросистеме цвета наиболее богат семантический диапазон слов, называющих красный цвет и его оттенки; разные цветолексемы, как и отдельные цветные семы, неравномерно актуализированы в разных языках и в одном языке.

Идентичность структуры репрезентированных микросистем цвета проявляется в том, что в них четко выделены семантические фрагменты, соответствующие определенным сегментам цветового пространства: «белый – чёрный – серый», «пестрый», «красный разных оттенков», «голубой – зеленый – желтый», «коричневый разных оттенков».

Различная актуализация разных значений в разных микросистемах цвета естественно приводит к лакуарности в цветовом локусе. Имплицитные значения образуют лакуны в поле цвета. Например, в цветовом локусе с и.-е. корнем **kēr*: *kōr*, а также **bēg*: *bōg* и **raū* : *rū* отсутствует сема «белый», в цветовом локусе с и.-е. корнем **bēg*: *bōg* отсутствует сема «чёрный». Примеры можно продолжать. Семантические лакуны в той или иной микросистеме цвета свидетельствуют

либо об имплицитном состоянии данного значения, либо о том, что оно никогда не образовывалось в анализируемой микросистеме цвета. Однако последовательная генерация идентичных цветовых сем в разных цветовых локусах убеждает нас в том, что эти семы были закономерно развиты и могут не только депонироваться, но и активно использоваться в каких-нибудь индоевропейских языках и их говорах.

Преодоление семантической лакунарности, а значит, увеличение эксплицитных сем возможно также благодаря методу семантической экстраполяции, когда значения, выявленные в ряде цветовых локусов, предполагаются в структуре других цветовых локусов. Если значение «белый» есть в ряде проанализированных цветовых локусов, значит, оно закономерно было развито в остальных исследуемых локусах тоже. Подтвердить данное предположение может только найденное в каком-нибудь источнике предполагаемое значение. Вот почему расширение аналитической базы для семасиологических исследований является самым важным и в то же время самым трудным.

Реконструированные нами микросистемы цвета не что иное, как фрагменты диахронических полей. Поле цвета – часть, определённый локус диахронического поля. Любое диахроническое поле, как показывает анализ, развивало в своих недрах цветовые значения.

Другим способом элиминирования семантической лакунарности, а следовательно, осуществления перехода имплицитных сем в эксплицитные является расширение диахронических полей (а значит, и микросистем цвета) за счет объединения полей слов, этимологически восходящих к одному корню. Таким резервом в этимологии является фонетическое сближение этимологическо-словообразовательных гнёзд (диахронических полей) на основе древних колебаний согласных (звонких – глухих, плавных, заднеязычных). Этимологи часто обращаются к этому явлению, но универсального статуса оно не имеет. В то же время объединение этимологических гнёзд на основе такого фонетического сближения может дать довольно любопытные результаты.

Например, учитывая древние колебания согласных *g и *k, *r и *l, можно объединить

этимологические гнёзда с и.-е. корнями *g^hel: g^hol и *k^her: k^hor. Микросистема цвета с первым корнем генерировала следующие семы: «серый», «чёрный», «желтый», «золотой», «зелёный», «пёстрый», «белый», «голубой», «сиреневый»; микросистема цвета с и.-е. корнем *k^her: k^hor генерировала семы: «серый», «чёрный», «жёлтый», «золотой», «зелёный», «пёстрый», «красный», «багряный», «багровый», «рыжий», «огненный», «алый», «бурый». Обе микросистемы цвета имеют одинаковые семы – «серый», «чёрный», «жёлтый», «золотой», «зелёный», «пёстрый». В то же время в каждой из микросистем есть семы, которых нет в другой. Аппликация набора сем из разных цветовых локусов обогащает каждый локус. Самым важным в этой аппликации является обогащение микросистемы цвета с и.-е. корнем *k^her: k^hor семами «белый» и «голубой», а микросистемы с и.-е. корнем *g^hel: g^hol – семами, передающими различные оттенки красного тона. Фонетическое сближение фактического материала разных микросистем цвета на основе учета древних колебаний согласных позволяет, как видим, расширить объём семантических полей и перевести их имплицитные семы в эксплицитные. Однако и это не является конечным этапом анализа, так как микросистема цвета развивается не изолированно, а в границах диахронического поля. Микросистема цвета – подсистема диахронического поля. Поэтому цветовая сема не является семантическим архетипом, она сама генерирована на основе семантики слов, обозначающих предметы, цвет которых был положен в основу номинации.

Поиски более ранних значений приводят, в частности, к пересмотру лексико-семантического принципа построения семантического поля. Метод конструирования диахронических полей на основе лексико-семантического принципа является разработанным и достаточно эффективным, тем не менее он не позволяет решить актуальные семасиологические задачи: определить палеосемантику слова, принципы её дальнейшей эволюции, закономерности этой эволюции. Следовательно, необходимо искать новые принципы семантического сближения слов в диахроническом поле или обогащать известные. Возможно, таким качественно новым

принципом сближения слов в диахроническом поле станет учёт всех возможных связей в семантической парадигме поля. Он предполагает, что в диахроническое поле объединяются слова с неоднородными значениями (названия животных, растений, явлений природы и т.д.). Такое поле имеет гетерогенную идеографическую структуру. Приведём пример такого поля. Этимолого-словообразовательное гнездо с и.-е. корнем *bēl: bōl включает следующие идеограммы:

«место поселения» – русск. *Балканы*¹⁶ «горная цепь, поросшая лесами», болг. *поляна* «равнина»; укр. *болоня*, чеш. *blana* «луг, общинный выгон», польск. *bloń* «пастбище, выгон»; русск. диал. *болото* «лес», болг. *бланá* «ровное место, лужайка», лтш. *bala* «глинистая, безлесная долина», русск. *балка* «овраг, высохшее русло реки»;

«вода» – польск. диал. *bałka* «маленькое озеро», лит. *Valà* «болото», русск. диал. *биль* «болото», болото «озеро», лит. *báltas* «озеро»;

«пища» – русск. диал. *балка* «овца», русск. *белка*, др.-инд. *bhallas* «медведь», русск. диал. *балга* «растение», болг. *бялка* «куница», русск. диал. *балабáн* «сокол», *бáлова* «коршун», *белúга* «чайка», *бель* «собир. Всякая мелкая рыба»;

«огонь» – др.-исл. *bál* «огонь», англос. *bael* «костер», др.-англ. *bel* «огонь», лат. *fulgor*, *flagō* «горю, пылаю, накаляюсь», ст.-сл. *БЛАЗНЬ* «огонек», нем. диал. *Böli* «огонь, костер»;

«явления природы» – русск. *балос* и на «облако», *болочно* «пасмурно», лтш. *blā* žt «мерцать», *blā* žma «мерцание, блеск, отражение», русск. диал. *белó* «рассвет, раннее утро», арм. *bal* «туман», лат. *fulgus* «молния», русск. диал. *благой* ветер «восточный ветер»;

«племя, человек» – русск. *белорусы*, *балты*, др.-инд. *bā lās* «дитя, мальчик», русск. *болгары*;

«звуки» – русск. *бал* и ть «болтать», нем. *balbeln* (перед нами – редуцированный корень) «лепетать», лит. *balbatuoti* «болтать, лепетать, бормотать», русск. *балабáн* «болтун», лат. *balbus* «заика», русск. диал.

бал я кать «болтать», лит. *baĩ sas* «голос», *bilti* «говорить», лтш. *balls* «голос», др.-исл. *bylja* «гремять», *belja* «реветь», русск. диал.

балы «разговоры».

«орудия труда» – польск. *batwan* «большой камень», русск. *баламут* «большой невод», русск. диал. *балта* «топор», русск. диал. *бель* «нить для вязки сетей», русск. диал. *боль* «палка, которой пугают рыбу, ударяя по воде» и т.д.

Мы видим, что составленное поле чётко структурировано, в него входят 8 идеограмм, репрезентирующих базисные понятия. Это «место поселения», «вода», «пища», «огонь», «явления природы», «племя, человек», «звуки», «орудия труда». В недрах этого поля на базе определённых сем будут генерироваться цветовые семы, образующие микросистему цвета. Составленное гетерогенное поле есть не что иное, как своеобразный контекст. Ю.В.Монич отмечает, что изучение более глубоких хронологических уровней языка, не отраженных в древнеписьменных памятниках и требующих реконструкции самого контекста, «требует ... какого-то иного подхода»¹⁷. Составление гетерогенных диахронических полей даёт нам особый контекст – идиоконтекст, который потребует культурно-исторического, хронологического и структурно-семантического осмысления. Трудности, связанные с созданием такого контекста, очевидны. Наибольшую трудность при конструировании гетерогенного диахронического поля представляет фонетическое сближение словарного материала, которое непременно приведёт к погрешности. И тем не менее перспективы такого семантического исследования, осуществлённого специалистами в области фонетики, представляются многообещающими, особенно если учесть слова выдающегося историка языка Ф.П.Филина о том, что словарный состав языка – «открытая система, ... изменяющаяся и в то же время сохраняющая в себе напластования разных эпох, начиная с древнейших, т.е. очень устойчивая (о последнем нередко забывают)»¹⁸.

¹⁷ Монич Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий // Вопросы языкознания. – 1998. – №1.

¹⁸ Филин Ф.П. Историческая лексикология русского языка. – М.: Наука, 1984.

¹⁶ Выделенную часть слова мы предполагаем в качестве древнего корня.

Таким образом, дополняя теорию интегрального метода положениями о необходимости выбора оптимальной системы для семасиологических исследований, а также учёта двух системных состояний значения и всех возможных связей в семантической парадигме поля на фоне широкого привлечения раз-

ноисточникового фактического материала, мы предлагаем качественно новый подход к конструированию органичной системы (гетерогенного диахронического поля), в границах которой возможен эффективный и в большей степени верифицированный научный анализ эволюции значения.

TO THE PROBLEM OF A CONSTITUTIVE METHOD OF SEMASIOLOGICAL RESEARCH

© 2008 S.V.Kezina

Penza State Pedagogical University named after V.G.Belinsky

An integral method is traditionally used to study the history of word semantics. The main conditions of increasing effectiveness and the degree of such scientific analysis verification are as follows: a choice of an optimum system for a diachronic system research and an expansion of an analytical base. The analytical base can be expanded owing to different sources attraction, using of optional methods and the theory of ancient consonants variations, by constructing heterogeneous diachronic systems.